

Упрямый отец

Ты хоть плачь, хоть не плачь быть по-моему!

Я сказал тебе: не послушаю!

Молода еще, рано умничать!

Мой жених-де вот и буян и мот,

Он в могилу свел жену первую...

Ты скажи прямей: мне, мол, батюшка,

Полюбился сын Кузьмы-мельника.

Так сули ты мне горы золота

Не владеть тобой сыну знахаря.

Он добро скопил, пусть им хвалится,

Наживи же он имя честное!

Я с сумой пойду, умру с голода,

Не отдам себя на посмешище,

Не хочу я быть родней знахаря!

Колдунов у нас в роду не было.

А ты этим-то мне, бесстыдница,

За мою хлеб-соль платить вздумала,

Женихов своих пересуживать!

Да ты знаешь ли власть отцовскую?

С пастухом, велю, под венец пойдешь!

Не учи, скажу: так мне хочется!

Захватило дух в груди дочери,

Полотна белей лицо сделалось,

И, дрожа как лист, с мольбой горькою

К старику она в ноги бросилась:

Пожалей меня, милый батюшка,

Не сведи меня во гроб заживо!

Аль в избе твоей я уж лишняя,

У тебя в дому не работница?..

Ты, кормилец мой, сам говаривал,

Что не выдашь дочь за немилого.

Не губи же ты мою молодость:

Лучше в девках я буду стариться.

День и ночь сидеть за работою!

Откажи, родной, свахе засланной.

Хороша твоя речь, разумница;

Только где ты ей научилась?
Понимаю я, что ты думаешь:
Мой отец, мол, стар, ему белый гроб,
Красной девице своя волюшка...
Али, может быть, тебе не любо,
Что отец в почет по селу пойдет,
Что богатый зять тестю бедному
При нужде порой будет помочью?
Так ступай же ты с моего двора,
Чтоб ноги твоей в доме не было!
Не гони меня, сжался, батюшка,
Ради горьких слез моей матушки!
Ведь она тебя богом, при смерти,
Умоляла быть мне защитой...
Не гони, родной: я ведь кровь твоя!
Знаю я твои бабьи присказки!
Что, по мертвому, что ль, расплакалась?
Да хоть встань твоя мать-покойница,
Я и ей скажу: Быть по-моему!
Прокляну, коли не послушаешь!..
Протекло семь дней: дело сладилось.
Отец празднует свадьбу дочери.
За столом шумят гости званые;
Под хмельком старик пляшет с радости,
Зятем, дочерью выхваляется.
Зять сидит в углу, гладит бороду,
На плечах его кафтан новенький,
Сапоги с гвоздями, с медной прошвою,¹
Подпоясан он красным поясом.
Молодая с ним сидит об руку;
Сарафан на ней с рядом пуговиц,
Кичка с бисерным подзатыльником,
Но лицо белей снега чистого:
Верно, много слез красной девицей
До венца в семь дней было пролито.
Вот окончился деревенский пир.
Проводил старик с двора детище.
Только пыль пошла вдоль по улице,
Когда зять, надев шляпу на ухо,

Во весь дух пустил тройку дружную,
И без умолку под дугой большой
Залилися два колокольчика.
Замолчало всё в селе к полночи,
Не спалось только сыну мельника;
Он сидел и пел на завалине:
То души тоска в песне слышалась,
То разгул, будто воля гордая
На борьбу звала судьбу горькую.
Стал один старик жить хозяином,
Молодую взял в дом работницу...
Выпал первый снег. Зимы-матушку
Деревенский люд встретил весело;
Мужички в извоз отправляются,
На гумнах везде молотба идет,
А старик почти с утра до ночи
В кабаке сидит пригорюнившись.
Что, старинушка, чай, богатый зять
Хорошо живет с твоей дочерью?..
Под хмельком ему иной вымолвит;
Вмиг сожмет Пахом брови с проседью
И, потупив взор, скажет нехотя:
У себя в дому за женой смотри,
А в чужую клеть не заглядывай!
За женой-то мне глядеть нечего;
Лучше ты своим зятем радуйся:
Вон теперь в грязи он на улице.
Минул свадьбе год. Настал праздничек,
Разбудил село колокольный звон.
Мужички идут в церковь весело;
На крещеный люд смотрит солнышко.
В церкви божией белый гроб стоит,
По бокам его два подсвечника;
В головах один, в зипуне худом,
Сирота-Пахом думу думает
И не сводит глаз с мертвой дочери...
Вот окончилась служба долгая,
Мужички снесли гроб на кладбище;
Приняла земля дочь покорную.

Обернулся зять к тестю бледному
И сказал, заткнув руки за пояс:
Не пришлось пожить с твоей дочерью!
И хлеб-соль была, кажись, вольная,
А всё как-то ей нездоровилось...
А старик стоял над могилою,
Опустив в тоске на грудь голову...
И когда на гроб земля черная
С шумом глыбами вдруг посыпалась
Пробежал мороз по костям его,
И ручьем из глаз слезы брызнули...
И не раз с тех пор в ночь бессонную
Этот шум ему дома слышался.
В некоторых селах Воронежской губернии задники крестьянских сапог
прошиваются для щегольства медною проволокою.